

А.Н. Ежов

Доктор экономических наук, профессор, академик, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, почетный работник юстиции России, президент ЧОУ ВО «Институт управления»

А.А. Федотов

Главный редактор научного журнала «На пути к гражданскому обществу», доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления», почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации

Судьба ученого. Откровенные диалоги с профессором А. Н. Ежовым. Часть III.

Научный журнал «На пути к гражданскому обществу» продолжает публикацию цикла бесед главного редактора журнала профессора А. А. Федотова с председателем Редакционного совета журнала доктором экономических наук, профессором, академиком Анатолием Николаевичем Ежовым. Представляется, что эти публикации позволят вдумчивым читателям увидеть масштаб личности необыкновенного человека; почувствовать, что границы человеческих возможностей на самом деле шире, чем нам кажется.

Ключевые слова: Анатолий Николаевич Ежов, ученый, семья, детство, школа, техникум связи, Витебск, Смоленск.

Брак

Как Вы познакомились с Вашей супругой?

Мы все жили на Стромынке, где находилось комплексное общежитие вузов г. Москвы. Сейчас не вспомню сколько, но думаю, что не меньше, чем двадцать вузов расселяли там своих студентов.

На нашем этаже жили студенты Московского института управления. И я обращал внимание на одну стройненькую девушку, которую мы между собой почему-то называли тогда «венгерка». Она мне нравилась. Я учился на первом курсе, а она на третьем. Хотя по возрасту Лариса на три года младше меня – я 1946 года рождения, а она в 1949

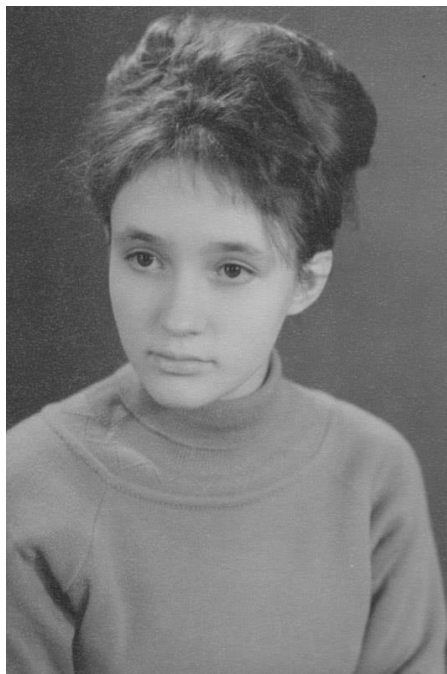
родилась, но у меня было три года службы в армии, плюс в техникуме учеба на год дольше, чем в школе. Поэтому получилось так, что в институте она училась на два курса старше меня.

Я совершенно не умею знакомиться с женщинами. Поэтому просто ходил, смотрел, «облизывался» и все.

Ребята заметили, начали подшучивать по-доброму. Так прошло два года. А потом я узнаю, что у меня третий курс, а у нее пятый. И они должны уезжать на практику, а потом защита, получение диплома. Неизвестно встретимся ли мы еще когда-нибудь.

На фоне этих мыслей мы случайно, что называется «лоб в лоб», столкнулись на лестничной площадке. Сначала засмеялись,

потом автоматически заговорили. Сказал, что надо нам поговорить. Лариса ответила, что сейчас спешит, если надо поговорить, то это отдельно нужно встретиться. За эти слова я ухватился: «А где? Когда?» Договорились через день встретиться у станции метро «Кировская». Так спонтанно мы друг другу назначили свидание.

Лариса Донская, 1967 г.

И когда мы там встретились, не знаю даже, как это получилось, сразу предложил ей выйти за меня замуж. Надо сказать, что у меня до этого и мыслей таких не было, вообще был уверен, что никогда не женюсь, что я «одинокый волк», которому комфортно в одиночестве. Но вопреки всей этой уверенности такая фраза у меня вырвалась. А у нее вырвалось: «Я согласна». Слова мы произнесли, и мыслей отступить ни у кого из нас не возникло.

Начали обговаривать связанные с этим детали. Это было накануне Нового года – завершился 1970 год, наступал 1971. Поженились мы уже 5 марта 1971 года.

Получается, что на первом же свидании Вы сделали предложение?

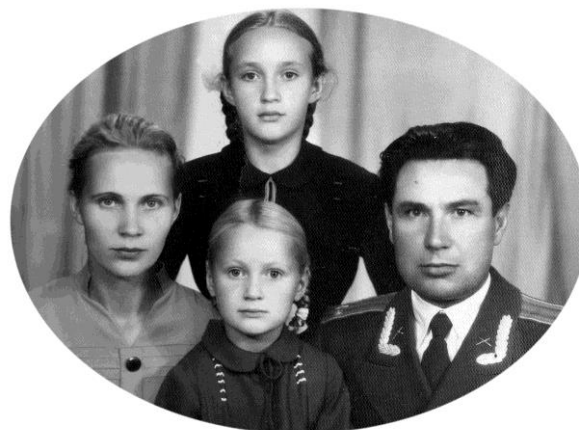
Да. Первая фраза, которая была мной произнесена: «Как тебя зовут?» Она ответила: «Лариса». Назвал свое имя.

Мы, конечно, знали имена другу друга, но так как не познакомились, нужно было с этого начать. Потом выяснилось, что в ее круге общения я тоже примелькался, между собой они почему-то звали меня «пан спортсмен».

И вот после этого краткого представления я сразу предложил ей выйти за меня замуж, а она тут же согласилась.

Лариса Донская, 1970 г.

*Донские Александр Александрович,
Надежда Ильинична, Лариса (стоит),
Наталья*

Где Вы стали жить после свадьбы?

Первое время в общежитии. Когда Лариса окончила институт, ее отправили работать в Красноармейск в Подмоскowie. Тогда существовала система распределения выпускников. Какое-то время она жила там, а я в общежитии в Москве.

Потом я летом вкалывал на стройке, зарабатывал деньги, чтобы была возможность продолжить учебу на очном отделении. А Лариса на лето уехала в Белгород к родителям. Снимать квартиру и жить вместе мы фактически начали уже во время нашей учебы в аспирантуре.

Анжелика Ежова, 1974 г.

Ваша старшая дочь родилась вскоре после того, как Вы поженились?

Да, Анжелика родилась в ноябре 1971 года. В детстве она несколько лет жила с родителями жены – своими дедушкой и бабушкой – в Белгороде.

Кем работала Ваша супруга?

Сначала инженером, потом в научно-исследовательском институте. После окончания института я поступил в аспирантуру Московского экономико-статистического института. А Лариса поступила в аспирантуру Московского института управления после того, как отработала два года по распределению.

Что представляло из себя обучение в аспирантуре в то время?

Ну не то, что было в последние годы, когда ее превратили в непонятную еще одну ступень высшего образования и когда в ней аспиранты тратят много времени на то, что не связано с их научным исследованием. В то время это включало в себя работу с научным руководителем, посещение занятий по кандидатскому минимуму – специальность, иностранный язык и философия.

Поскольку моя кандидатская была практически готова, все обучение в аспирантуре, включая защиту диссертации, заняло у меня полтора года вместо трех лет.

В то время по месту работы предоставлялось жилье. Вас это коснулось?

Еще в аспирантуре меня привлекли к преподаванию в Московском технологическом институте Министерства бытового обслуживания населения РСФСР. Он находился в ближайшем Подмосковье: на станции

Тарасовская. Дали общежитие: комнату в деревянном бараке, в которой мы жили с 1975 года. Там были малопригодные для проживания условия, поэтому мы не могли привезти Анжелику. Стена зимой промерзала, было очень холодно, приходилось сидеть в пальто. Не было горячей воды, кухня одна на семь семей, и на эти же семь семей один туалет мужской и один женский.

Сразу после защиты кандидатской диссертации меня перевели на работу в ВАК СССР. Другого жилья при этом не дали. Почти три года я ездил на работу, тратя три с половиной часа на дорогу в одну сторону и три с половиной часа обратно. Лариса тоже работала в Москве, и испытывала те же самые трудности.

Ежова Лариса Александровна, 1972 г.

Когда жилищные условия нормализовались?

Во время моей работы в ВАК СССР мне выделили уже хорошее общежитие на Сиреневом бульваре в Москве. Это была фактически небольшая отдельная двухкомнатная квартира со всеми удобствами – душем, туалетом, горячей водой. Только кухня была одна на этаже. По сравнению с тем, с какого общежития мы начинали, эти условия жизни воспринимались как райские. И ездить на работу было уже не три с половиной часа, а час.

Появилась возможность привезти дочь от дедушки с бабушкой?

Да, и мы сразу ей воспользовались, привезли Анжелику. Потом мы получили отдельную двухкомнатную квартиру, в которой в 1982 году у нас родился сын Александр.

Александр Ежов, 1986 г.

Семья в сборе. В гостях у Ежова Николая Семеновича – отца Анатолия. Витебск, 1992

С внуками Алисой и Артемием

Семья Ежовых встречает 2024 год

**Работа в Московском
технологическом институте
Министерства
бытового обслуживания населения
РСФСР**

Вы сказали, что во время учебы в аспирантуре Вас привлекли к преподаванию. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

Как я уже сказал, моя преподавательская работа началась в Московском технологическом институте. Он находится в живописном месте под Москвой – на станции «Тарасовская» Ярославской железной дороги. Там расположена база московской футбольной команды «Спартак».

В 1974 году на кафедре политической экономии Московского технологического института потребовался преподаватель, способный хорошо читать лекции студентам. Заведующий этой кафедрой окончил аспирантуру Московского экономико-статистического института. Поэтому он и обратился к заведующему кафедрой МЭСИ, моему научному руководителю профессору Александру Дмитриевичу Смирнову с просьбой порекомендовать кого-то для работы в МТИ. А Александр Дмитриевич порекомендовал меня – аспиранта первого года обучения.

В порядке исключения меня взяли на кафедру сразу старшим преподавателем, минуя две предыдущих преподавательских должности (в то время кроме должности ассистента была еще и отдельная должность преподавателя).

Московский технологический институт и работа в нем оставили яркий след в моей жизни. Первые лекции, первые студенты, первые успехи, первые жизненные проблемы...

Анатолий Ежов со своими первыми студентами. Московский технологический институт, 1974 г.

Все давалось с большим трудом. Но любимая работа была в удовольствии.

Здесь я познакомился с Владимиром Высоцким, который выступал у нас в 1977 году.

Встреча с Мариной Попович и ее супругом – генералом Борисом Жихаревым и лучшим другом Аристартом Ковалевым

Здесь встретил верного и надежного друга Аристарта Алексеевича Ковалева. Человека сложной и интересной судьбы, ставшего доктором экономических наук, профессором, академиком, заслуженным деятелем науки и образования, рекордсменом Гиннеса, заслуженным мастером спорта по гиревому триатлону. С ним мы идем вместе по жизни и по сей день.

Работа в ВАК СССР

В чем заключалась Ваша работа в ВАК СССР?

В то время произошла реорганизация Высшей аттестационной комиссии – она стала не при Министерстве образования СССР, а при Совете Министров СССР. С одной стороны,

статус повысился, с другой, это повлекло много перемен организационного характера.

Территориально переехали из здания министерства в бывшее здание школы в переулке Мечникова. За время реорганизации и переезда накопилась масса аттестационных дел. Их нужно было рассортировать по специальностям, в рамках специальностей по годам, направить на экспертизы, а после этого с результатами экспертизы предоставить на утверждение на Коллегию ВАК СССР кандидатские, а на Президиум ВАК СССР докторские диссертации. В каких-то случаях вызывали соискателя на собеседование в экспертный совет. Отдельное направление – рассмотрение предложений о создании докторских и кандидатских диссертационных советов. У меня был участок – политическая экономия, мировая экономика и специальные экономические науки по всем 15 республикам Советского Союза. В моем подчинении было два человека. Втроем нам было необходимо успеть выполнить весь массив этой важной организационной и технической работы. Поэтому в первый год мы часто работали по 16–17 часов в день. С учетом того, что дорога занимала у меня 7 часов, мне в этих случаях приходилось ночевать прямо в кабинете.

Работа была в основном техническая, но у меня как кандидата экономических наук она была и аналитической. Я анализировал утвержденные докторские диссертации по экономическим наукам, готовил на них аннотации для выпуска в журнале «Экономические науки».

Эти аннотации были чем-то обязательным?

Нет, это было мое предложение, которое поддержали в ВАК и в редакции журнала.

Перейдя в ВАК СССР на работу, пришлось оставить науку?

Нет. Хотя времени и не хватало катастрофически, я работал над своей докторской диссертацией. Углубился в вопросы стоимости, появились первые идеи по созданию теории ложной стоимости. Они оформились, когда я поработал на конкретных практических участках. В ВАК СССР я работал с 1977 года. После этого в самом начале 1980-х годов перешел на преподавательскую, а затем научную работу.

Почему ушли из Высшей аттестационной комиссии?

У меня там возник конфликт: чем дольше я там работал, тем больше видел, что оценка работ не всегда проводится по чисто научному принципу. Имеет место отклонение сильных работ и «протаскивание» откровенно слабых диссертаций. Убедившись, что мои наблюдения не безосновательны, открыто выступил против этого. Естественно, начальству это не понравилось и, в конце концов, я ушел оттуда.

Были последствия для Вас?

Чтобы другим «критиканам» было неповадно, вдогонку решили сформировать против меня партийное дело. Сформировали, направили во Всесоюзный заочный финансово-экономический институт, где я работал в должности доцента, с предложением обсудить меня по партийной линии как клеветника и шантажиста.

Поскольку от ВАК все зависели, мое дело рассмотрели, как «просили», было принято решение о моем исключении из партии. Более того, я впоследствии узнал, что на работу в институт меня взяли специально, чтобы потом со мной расправиться. Начальник отдела, член Коллегии ВАК Г. Б. Правоторов договорился об этом с ректором института Н. Г. Сычевым. И тот специально для этого пригласил меня на работу. Обещал полную поддержку.

А когда дошло до дела, вызвал меня и говорит: «Представляешь: куда деваться. Иначе весь институт раздракомят. Тебя уничтожили, так и институт уничтожат. Я не могу этого допустить: у меня несколько сот человек в подчинении. Так что ты извини – мы тебя из партии исключим». Ответил ему так: «Вы меня тоже извините, но я тогда буду бороться, последствия могут оказаться для Вас неожиданными».

В то время исключение из партии было делом очень серьезным...

Более чем. В том числе это означало запрет на идеологическую работу, на преподавание общественных дисциплин, потерю преподавательской работы – много чего. А как раз в этот момент была объединенная комиссия ЦК КПСС и КПК при ЦК КПСС, которая проверяла работу ВАК СССР по многочисленным жалобам.

И в ходе этой работы кто-то из сотрудников предложил комиссии: «А Вы вызовите Ежова, поговорите. Он наш бывший работник, очень хорошо знает все нарушения. Его за это преследуют». Меня пригласили. Я

им рассказал всю систему, сказал какие документы стоит срочно ксерокопировать, потому что их через день-два после нашей беседы уничтожат (что в самом деле и произошло). Они сделали копии, заверили их.

Заинтересовались и моим делом, рассмотрели его. И когда мое дело об исключении из партии из первичной организации института передали в райком партии на утверждение, туда пришла эта комиссия ЦК КПСС с материалами, выявленными в ходе проверки. Райкому партии было документально показано, что это преследование за критику, что обвинения надуманны, сфальсифицированы. В результате на уровне райкома меня полностью реабилитировали, а тех, кто сфабриковал мое дело в институте и в ВАК, привлекли к партийной ответственности. Они получили по партийному выговору с занесением в учетную карточку – тогда это было серьезно.

Мне сказочно повезло. Председателем комиссии был доктор философских наук Марат Николаевич Перфильев – честный человек, принципиальный коммунист. На него давили, но он выстоял. Большое ему спасибо и низкий поклон. Он уже ушел из жизни. Царство ему Небесное.

Почти как в сказке...

Да, такая вот чудо-сказка получилась, показывающая, что правда есть и на земле.

Порядочные люди существуют во все времена, просто они не очень заметны, поскольку не стремятся себя рекламировать. Были они и тогда. Подключилась газета «Социалистическая индустрия». В ней опубликовали статью «Кривая вседозволенности».

Комиссия выяснила, почему в институте так безропотно выполняли устные распоряжения отдельных ответственных сотрудников ВАК. Это происходило потому, что они у себя в институте фабриковали диссертации. Например, человек защитил диссертацию, а на следующий год практически эту же диссертацию, только с измененным названием защищает другой приближенный к ректору преподаватель. Совпадение текста 95 процентов, а ВАК ее утверждал... Так же публиковали книги, методички.

То, что сейчас процедура защиты диссертаций приобрела открытый характер: все диссертации находятся в открытом доступе в

сети «Интернет», и любой может познакомиться с их текстами, – это правильно, потому что предупреждает те серьезные коррупционные нарушения в науке, которые имели место в то время. Другое дело, что и современная система не идеальна, но свои изъяны есть почти в любой системе.

В то время диссертацию тоже можно было прочитать – в Ленинской библиотеке в Москве, в библиотеке вуза, где проходила защита. Но технически это на порядки сложнее, чем прямо не выходя из дома прочитать представленную диссертацию в компьютере.

После такого конфликта с ВАК Вам, наверное, сложно было защитить докторскую диссертацию...

Первую мою докторскую они отклонили. По партийной линии расправиться со мной у них не получилось, поэтому они отомстили мне за счет моей докторской диссертации.

В 1985 году я ее защитил, потом трижды перезащищал. Они меня направляли в Институт экономики АН СССР, дали там установку «с Ежовым расправиться». А Ежов там защитился единогласно. Потом направили еще в одно место, и там успешно прошла защита моей диссертации.

Мою диссертацию положительно оценили академические институты по экономике всех 15 союзных республик, все НИИ цен, Госкомцен СССР и РСФСР. Самые выдающиеся «ценовики» были у меня официальными оппонентами. Ведущей организацией был Институт экономики АН СССР. Несмотря на то, что было около ста положительных отзывов и три успешных защиты, ВАК отказал в утверждении.

Как это могло быть?

Просто волонтаристское решение. Без объяснений. Сначала пытались мне приписать политические мотивы, что я нарушаю идеологическую линию партии, проповедую рыночный социализм. Направили на дополнительную экспертизу академику Н. П. Федоренко и академику Н. Я. Петракову, который в то время был член-корреспондентом АН СССР. Они меня вызвали, и Н. П. Федоренко сказал: «Нам направили твою диссертацию, дали установку дать отрицательный отзыв. Но мы тебя знаем. Я человек старый, мне пора подумать о том, как я предстану перед Господом Богом. И мне совесть моя дороже. Мы даем положительный отзыв на твою диссертацию и рекомендуем ее опубликовать в издательстве "Высшая школа"».

И моя диссертация была там опубликована! У меня сохранилась копия их положительного отзыва. Но несмотря на это, ВАК принял по диссертации отрицательное решение.

Опротестовать его было невозможно.

Но Вы ведь защитили вторую докторскую диссертацию тоже по экономике?

Спустя 18 лет. Честно сказать – уже не хотел. Но Герольд Александрович Краюхин, который тогда был членом экспертного совета ВАК РФ по экономике, хорошо знал ситуацию, уговорил меня еще на одну защиту, фактически той же самой диссертации, с другим названием, доработанной с условием произошедших в экономике перемен, с новыми материалами, подтверждающими то, что мной было доказано за 20 лет до этого.

И была интересная история. Один из членов диссертационного совета профессор Николай Дмитриевич Колесов, участник Великой Отечественной войны (он был без ноги – инвалид войны), заслуженный деятель науки, уважаемый во всем Советском Союзе, задал мне вопрос: «Анатолий Николаевич, мы Вас хорошо знаем, а зачем Вы вторую диссертацию докторскую защищаете по экономике?» Ему сказали, что ту не утвердили. Он очень удивился: «Как же так? Я помню ту диссертацию, давал на нее положительный отзыв. Это научная работа высокого качества». И выругался прямо матом во время заседания диссертационного совета тогда...

И в этот раз никаких проблем с утверждением уже не возникло.

С Краюхиными Герольдом Александровичем и Галиной Иосифовной. Архангельск, 2001 г.

Вам предлагали какие-то административные должности?

Еще во время работы в ВАК СССР мне предлагали стать ректором Торгово-

экономического института. Отказался. Предлагали в ЦК КПСС пойти инструктором отдела науки. Тоже отказался. Были и другие предложения, от которых отказался. И не жалею. Мне свобода дороже благ.

Что Вам больше всего запомнилось из времени работы в ВАК СССР?

Был такой случай. Поступило дело на присвоение ученого звания профессора соискателю без ученой степени доктора наук заведующему кафедрой политэкономии Азербайджанского государственного университета Алиева. А это родной брат Гейдара Алиевича Алиева, который в то время был членом Политбюро ЦК КПСС. Меня вызвал заместитель председателя ВАК СССР, сказал, что нужно посмотреть справку в личном деле, чтобы им политически сориентироваться, заслуживает человек этого ученого звания или нет. Внимательно ее изучил, говорю: «Заслуживает объективно, но сама справка составлена очень плохо. Может быть, отрицательное решение из-за этого. Он меня попросил написать справку так, как мне видится. Через два часа ее принес. Он ее переправил соискателю, сказав, что дело задерживается, срочно нужно слетать в Баку, переподписать документы. Тот все это быстро сделал, через неделю на Президиуме ВАК СССР его утвердили в ученом звании профессора.

Он ко мне подходит: «Анатолий Николаевич, я Вам очень благодарен, знаю, что Вы сделали, без Вас могли отклонить. Примите подарок от нашей семьи, у нас так принято». И дает мне пачку денег. Не знаю, сколько там было, на вид очень много. А мы с женой жили в долгах. У меня были подержанные «Жигули», которые мне товарищ продал в рассрочку. Так у них даже резина была в заплатах. Но я категорически отказался от денег.

Он сперва обиделся, но на следующий день пришел и сказал: «Я Вас понимаю. Рассказал о Вас брату. Он предложил вместе пообедать, хочет лично Вас поблагодарить». Спросил начальство, они говорят: «Конечно, соглашайся».

А на следующий день ко мне прилетел товарищ, с которым мы вместе в аспирантуре учились, с дочкой из Одессы на один день. Говорю: «Ну, вот какая накладка получилась – не могу товарища бросить, он на один день приехал повидаться». И мне сказали взять товарища и его дочку с собой. К ВАК подали «Зил». Приехали на улицу Горького в ресторан

«Баку». Там отдельный кабинет, стол накрыт шикарный. Профессор говорит: «Брат сейчас находится у Леонида Ильича Брежнева, но обязательно приедет. Вы не ждите, кушайте». Я ему отвечаю: «Нет, мы подождем».

Гейдар Алиевич приехал вскоре, минут через двадцать. Худощавый, высокий. Подошел ко мне: «Анатолий Николаевич, мы Вам очень благодарны за Вашу порядочность, компетентность, что так внимательно отнеслись». Пожал мне руку. Мы присели за стол. Нам налили вина, а я вообще не пил совершенно ничего спиртного. Он говорит: «Я знаю, что Вы не выпиваете». Видимо, перед встречей через КГБ меня «просветили». Отвечаю: «Не выпиваю, но с Вами чокнусь и пригублю». Г. А. Алиев сделал глоток, съел орешек, ягоду кураги. Немного поговорил со мной. Сказал: «Если по жизни чем надо будет помочь – обращайтесь». Мы с женой в долгах жили, в общежитии, прописки московской не было. Но я сказал, что у меня все хорошо, благодарен ему за внимание. Не обратился и когда начались проблемы в ВАК.

Он вскоре ушел, мы пообедали уже как следует в свободной обстановке.

Вообще странно, что в ВАК так произошло. В принципе все люди там были в основе своей хорошие. Многие сделали для меня и моей семьи, во многом помогли. Я сохранил о них в памяти лишь добрые воспоминания.

Работа в НИИ экономики и управления строительством Госстроя СССР

Из института, наверное, тоже пришлось уйти после этого?

Да. Меня тогда многие знали в разных республиках Советского Союза. Уважали за профессионализм, за то, что никаких взяток никогда не брал. И мои товарищи, которые хорошо меня знали, рекомендовали на научную работу в Центральный НИИ экономики и управления строительством Госстроя СССР. Был принят на должность старшего научного сотрудника. Через полгода меня сделали заведующим научным сектором. Я там сразу активизировал работу, появились ноу-хау. Мы были уже тогда, в 1983 году, на полном хозяйственном расчете.

Ездили по строительным организациям, заключали напрямую договоры о переводе на новые формы хозяйствования. Разрабатывали для них документы, проводили обучение. Они

работали по новой системе материального стимулирования сотрудников.

Потом стал заведующим научным отделом, затем директором центра маркетинга. Ездить приходилось по разным республикам СССР.

В чем заключалась Ваша работа?

Мы брали на себя обязательство разработать для конкретных строительных организаций новые средства и меры связи заработка и результатов труда, правовые нормы обеспечения этого процесса. Обучить этим новым задачам и разъяснить новые хозяйственные методы работы рабочим на их рабочих местах, инженерно-техническим работникам на их постах, руководителям организации. У каждой из этих групп свои задачи, поэтому внедрение было трехуровневое: рабочие, ИТР, руководство. Положительные результаты должны были быть не только в улучшении производственных показателей, но и в оплате труда.

Нам в начале дали на эксперимент одну передвижную механизированную колонну в пустыне Каракумы в Туркмении, которую хотели расформировать. Мы туда летали на вертолете. Зарплата там была на уровне 80 рублей.

После того как мы с ними поработали, через полгода они стали победителями социалистического соревнования, получили переходящее красное знамя – в то время очень значимая награда. А средняя заработная плата рабочих выросла до 450 рублей в месяц. Резко выросли и качество, и объем работ.

Как Вы находили тех, с кем заключали хоздоговоры?

Рассылали информационные письма по профильным организациям, их кадастр у нас был. Когда появились первые результаты нашей работы, то люди сами стали друг другу о нас рассказывать. Через некоторое время у нас не стало отбоя от заказов, даже не все могли взять.

Главное в любом деле – это кадры. Поэтому привлекал тех, кого хорошо знал с профессиональной точки зрения, а имея опыт работы в трех институтах был знаком со многими сильными специалистами. Потом меня назначили первым заместителем директора Центрального НИИ экономики и управления строительством Госстроя СССР. Этот научно-исследовательский институт имел филиалы по

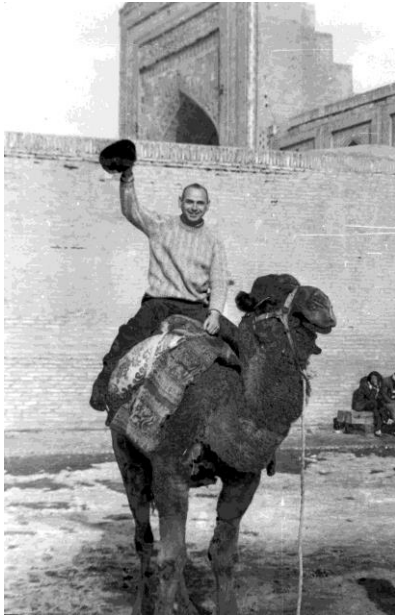
всему Советскому Союзу, мне нужно было курировать их работу.

У меня были публикации по экономике во многих центральных изданиях – союзных и республиканских. В том числе в журнале «Коммунист», в «Экономической газете». Впоследствии они были переизданы отдельным томом в моем собрании сочинений. К слову, на сегодня в нем уже вышли 238 томов...

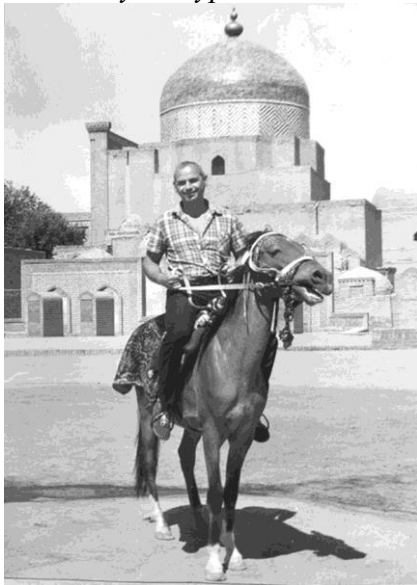
На этой научной работе, соприкоснувшись с конкретной экономикой, я изнутри увидел работу строительных организаций в разных регионах России и разных союзных республиках. Понятие рентабельности всегда было значимым для советских предприятий, все хотели работать в плюс, а не в минус. В 1980-е годы начался перевод предприятий на хозрасчет. Переводил на полный хозяйственный расчет такие значимые предприятия, как порт Дудинка, Поневежский строительный трест № 1, организации Узбекистана, в городе Ташаузе в Туркмении, передвижные механизированные колонны в пустыне Каракумы, строительные тресты в Беларуси, Украине, домостроительный комбинат в Ярославле.

На строительстве объекта в пустыне Каракумы. Второй слева А. Н. Ежов. Туркмения, 1989 г.

В г. Ташаузе, Туркмения. 1987 г.

*Узбекистан. Директор центра маркетинга
Госстроя СССР А. Н. Ежов переводил на
хозрасчет строительные организации
Узбекистана. Хива, 1988 г.*

Через призму конкретной экономики я понял механизм образования ложной стоимости, возникновения инфляции и показал это в своих научных публикациях.

Я впервые в СССР в научном экономическом институте создал юридическое подразделение, которое сопровождало экономические рекомендации с правовой точки зрения, и учебное подразделение, которое обучало и новым экономическим приемам, и правовым положениям.

Моими научными разработками заинтересовался даже Николай Иванович Рыжков, который был Председателем Совета Министров СССР, он меня приглашал для беседы. Встречались мы и с председателем Госстроя СССР.

Николай Иванович проявил большой интерес, запросил докладную записку, которую я передал ему через помощника. Но продвижения это не получило: в конце 1990 года был назначен новый глава Правительства.

А в чем суть образования механизма ложной стоимости?

Это сложный вопрос. Изложу ответ в упрощенной форме. Цена формируется из совокупности затрат – на зарплату, машины и механизмы, материалы. А к этой сумме добавляются коэффициенты, исчисляемые в процентном отношении. Например, в строительстве есть так называемое зимнее удорожание. Могут быть территориальные коэффициенты. Они начисляются на всю сумму.

Но что получается? Если один кирпич заменили на другой, и стоимость строительных материалов увеличилась на десять процентов, то вырастет и сумма, с которой считаются коэффициенты. А какое отношение имеет, например, зимнее удорожание к цене кирпича? То есть общая сумма должна вырасти только на сумму удорожания материалов, а коэффициенты не должны изменяться. И из этих коэффициентов, начисленных на то, на что они никак не должны начисляться, вырастают очень большие суммы.

У меня тогда даже вышла по этому поводу статья с резким названием «СПИД в экономике». Ее опубликовал академик А. Г. Аганбегян. Я показал, что строительство – это фондосоздающая отрасль. Стоимость продукции строительства в качестве перенесенной стоимости лежит на стоимости всех окружающих нас предметов. Холодильник, чашка, бутылка – что ни производится – везде есть здания промышленных предприятий, где ведется это производство. А здания – это строительная продукция. И недостатки ценообразования строительной продукции переносятся на условные холодильник, чашку и бутылку, увеличивая их стоимость, независимо от реальных затрат, производительности труда, улучшения качества продукции.

Поэтому ложная стоимость – это часть общественной стоимости, которая возникает не в результате прибавления реальной стоимости, не за счет повышения производительности труда или качества продукции, а возникает просто счетным путем. Это пустой денежный воздух, который влечет за собой необходимость выпуска новых наличных денег и увеличения

денежной массы в обороте. И это чисто инфляционный механизм, который постоянно растет. Я выпустил монографию, посвященную данной проблеме, выступал по ней на конференциях. Но достучаться до тех, кто принимает решения так и не получилось.

Хотя интерес был. Тот же академик Л. И. Абалкин, который в свое время поддержал тех, кто расправлялся с моей докторской, будучи в ранге заместителя Председателя Совета Министров СССР проводил конференцию. И сам предоставил мне слово, с комментарием: знает, что у меня есть интересные идеи. Я выступил тогда по проблеме ложной стоимости, были аплодисменты. А он спросил: «Мне можно использовать это?» Ответил: «Конечно, Леонид Иванович, используйте, главное, чтобы для дела все это было». Но как-то все это не пошло...

Люди, которые в этом понимают, очень заинтересовались. Но потом время изменилось, к власти пришли те, кто разрушал экономику Советского Союза.

Когда Вы ушли из НИИ?

В 2000 году. Уже был создан Институт управления в Архангельске. Ушел, потому что на теплые места пришли «швондеры», которых начали назначать демократы. Директор пришел болван болваном, при этом хам. Абсолютно не разбирающийся в науке. На первом же заседании ученого совета я написал заявление об увольнении по собственному желанию.

*С друзьями – сотрудниками ЦНИИЭУС
Госстроя СССР в кабинете зам. директора А.
Н. Ежова*

Дело было не в том, что уже было куда идти. Даже если бы не было куда, все равно бы ушел, потому что с такими людьми работать – унижать себя и науку. А унижения я не могу допустить. В то же время чувствовал ответственность за своих сотрудников, и к моменту моего увольнения практически всех их хорошо трудоустроил. Некоторые потом стали работать со мной в Институте управления.

Этот НИИ сохранился?

В течение примерно пяти лет после моего ухода он закрылся. Здесь, с одной стороны, «заслуга» директора, с другой – и в целом по стране НИИ закрывали. Была целенаправленная политика под диктовку желавшего ослабления России запада, чтобы практику оставить без научного сопровождения, а академическую науку – без подкрепления конкретной экономикой и практикой.

Разные НИИ закрывали разными способами, в данном случае видимо просто назначили директором такого человека, который сам все развалил достаточно быстро и эффективно, ему даже задачи такой ставить было не нужно.

©Ежов А. Н., Федотов А. А., 2024